

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Возвращение Солженицына в Россию — 27 мая он прилетает во Владивосток — может стать не менее значимым событием, чем уход Толстого из Ясной Поляны. Возможно даже, что эти два явления внутренне прочно взаимосвязаны и отнюдь не случайно обрамляют XX век.

Затворничество в Вермонте сродни такому же добровольному затворничеству под Тулой. И в том, и в другом случае неприятие ложных путей так называемого прогресса, твердое желание вернуть заблудшую и обезумевшую цивилизацию в человеческое христианское русло.

Даже насмешки в адрес великого человека со стороны желтой и полужелтой прессы в чем-то до боли знакомы. «Кто поносил меня, кто на смех подымал, кто силой воротит соседям предлагал; иные уж за мной гнались, но я тем более спешил перебежать городские поле, дабы скорей узреть — оставая те места, спасения верный путь и тесные врата». Это финал последнего стиха Пушкина «Странник», пророчески предвосхитившего уход Льва Толстого. Как точно здесь переданы интонации суетной толпы, неспособной оценить духовный поиск и подвиг.

Разве это не подвиг — после двадцати лет изгнания и затворничества найти в себе силы оставить Вермонт и устремиться снова в страну, откуда изгнали, где 10 лет держали за колючей проволокой в концлагере, а потом столько же лет травлили.

Солженицын возвращается в страну, где коммунизм, лязгнув прикладами, уступил место другому «почетному караулу» из отборных отбросов национал-социализма. С этим новым злом писатель, к счастью, мало знаком. Ведь раньше он сталкивался с ним только на линии фрон-

та в годы войны. Теперь на Родине, кроме знакомого серпа и молота, его ждет свастика, стилизованная под русский узор.

Наивно звучит утверждение

живется и не пишется в новых условиях, и руками разведешь. А Солженицын-то как работал? Кто ему за это платил высокие гонорары? Карцер, дополнительный срок, а то и расстрел — вот единственная награда от советской власти, на которую мог рассчитывать гениальный эск.

Написать «Один день Ивана Денисовича», конечно, подвиг, но опубликовать эту повесть в «Новом мире» в то время, ко-

ГУЛАГ» и другие романы, не только не опубликованные, но уже и запрещенные в Советском Союзе. Известны случаи, когда людей сажали в тюрьму, приобщая к делу даже опубликованную в «Новом мире» повесть «Один день Ивана Денисовича».

Но ведь и это далеко не последняя ступень восхождения. Новым подвигом стал открытый призыв писателя «жить не по

мет на лету, что такое «Красное колесо» — вещь, где время растягивается по дням, по часам, секундам и каждое мгновение становится бесконечным. Это Россия, которую Солженицын переживает и никак не может пережить до конца. Это страна, где все запрещено, где ничего невозможно, кроме бесконечного подвига. Все остальное — только трусость, ложь, воровство, предательство — спицы крас-

го, а естественные союзники жаждут лишь единой рублевой зоны, не проявляя интереса к чему-либо русскому, кроме рубля и доллара.

Каковы бы ни были политические взгляды Солженицына, он больше любой политики! Солженицын не приемлет капитализма и социализма, а кто, скажите мне, их приемлет? Цивилизация в тупике — это очевидно. Сбылись худшие опасения Льва Толстого. Воздух, которым нельзя дышать; вода, которую нельзя пить. Ничуть не меньше отравлена духовная среда обитания. Страна, где большая часть населения смотрит «Простоквашино» и «Санта-Барбару», конечно же, тяжело больна.

Солженицын возвращается не в утопию, а в Россию. Он едет в нее, как Чехов ехал на Сахалин. Врач едет к пациенту — таков его долг, ну а как встретят его у порога, это уже другой вопрос. Больной, он и есть больной. От него можно ждать чего угодно, даже статей Амелины.

Великие люди живут по другим законам и время свое сверяют по другим часам. Это раздражает. Смердяков убил Федора Карамазова не из-за денег, а из-за ненависти к Дмитрию и Ивану. Ненависть опять же не от зависти, а от несогласия с тем, что люди могут интересоваться чем-то непонятным и высшим.

Цивилизация Толстого и Солженицына всегда выше. Она была и будет «поверх барьеров», как говаривал Пастернак. Она в другом измерении — в душе человека.

Век начался уходом Толстого. Заканчивается он возвращением Солженицына. Уход и возвращение — есть над чем задуматься.

ПУТЬ СОЛЖЕНИЦЫНА

иных сторонников демократии, что Солженицын ясно видит опасность коммунизма, но не видит-де нашего отечественного фашизма.

Просто писателя не так легко обмануть новым политическим маскарадом. Лубянские коммунистические поганы шиты белыми нитками на экзотических мундирчиках новых фюреров. Коммунизм, во что бы он ни рядился, останется коммунизмом, и Солженицын это видит лучше других.

Так случилось, что жизнь этого человека — цепь непрерывных подвигов. Подвигом было стремление молодого офицера, уже прошедшего войну, говорить правду и только правду, за что и был арестован прямо в военной форме.

А разве не подвиг работа над будущими гениальными страницами в советском концлагере! Послушаешь сегодняшних литераторов о том, как им тяжело

гда даже доклад Хрущева на XX съезде был засекречен, — подвиг ничуть не меньший. Если сам Хрущев недолго продержался на волне своего непоследибельного антисталинизма, то какая судьба ждала простого учителя математики, вернувшегося из заключения?

Насколько реальной была перспектива возвращения писателя за колючую проволоку сегодня, поймет не каждый. Вспомним уже судьбу Синявского и Даниэля, посаженных в тюрьму в первые же годы правления Брежнева за публикацию своих произведений под псевдонимом за рубежом. Вспомним травлю Пастернака при Хрущеве за то, что «Доктор Живаго» вышел в итальянском издательстве, не будучи опубликованным в СССР.

Только на этом фоне можно понять, каким подвигом было решение Солженицына опубликовать за рубежом «Архипелаг

лжи», обращенный ко всей стране.

Это было прямым продолжением нравственной проповеди Льва Толстого «не надо бояться», тоже обращенной ко всей России и запрещенной в светлом царстве социализма.

Еще не пришло время для осознания писательского затворничества в Вермонте. Первоначальная ироническая позиция тех или иных беллетристов сродни той иронии, которая окружала Льва Толстого, не желающего выходить из яснополянского ареала своей независимости и свободы. Из Ясной Поляны можно было наведаться и в Петербург, и в Москву. Из Вермонта любой путь на Родину был отрезан. В пространстве, но не во времени. Никто не мог запретить писателю полностью уйти в Россию, в ее историю. Отрезанный от России 70–80-х годов, Солженицын прорвался в Россию 1917 года. Никто не пой-

ного колеса. Но возвращаются они вокруг подвига.

Солженицын в отличие от многих деятелей новой эмиграции не был обманут хорошо организованной горбоманией. Лживая насквозь лукавая перестройка не затронула его сердце, но когда наступил момент действительно падения советской власти в октябре 93-го, Солженицын со всей ясностью и определенностью приветствовал это событие. Еще раз сказавшись удивительная способность писателя «жить не по лжи», распознавать, где правда, где ложь, в самых запутанных обстоятельствах.

У Солженицына есть своя утопия: вера в особую земскую демократию, надежда на здоровые силы, зреющие в провинции, проект по-настоящему добровольного объединения естественных союзников в одно государство. Вместо этого провинция проголосовала за коммунистов, аграриев и Жириновско-